

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 334.4

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ЭКОНОМИКИ

Жиронкин С.А.¹, Колотов К.А.²

¹ Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева

² ООО «КМЗ»

Аннотация.

Извлечение уроков из прошлых и текущих структурных сдвигов в экономике России и зарубежных стран, обусловленных социально-политическими трансформациями, технологическими прорывами, пандемийными шоками, требует формирования комплексного подхода к анализу их причин, сочетающего воспроизводственное измерение с институциональным. Это важно для того, чтобы реализации структурной, макростабилизационной и социальной политики осуществлялись скоординировано и целенаправленно. В политэкономическом плане такая координация означает постепенное сближение целей развития высокотехнологических производств и занятости, сокращения разрывов в распределении факторных доходов; в воспроизводственном – высокие темпы вовлечения достижений НТП и развитие человеческого капитала, сокращение отраслевых разрывов в производительности, рост энергетической и экологической эффективности. С институциональной точки зрения структурные изменения означают, что преобразования в институциональной структуре должны быть источником устойчивого роста экономики. Этому способствует наращивание знаний в координации с инвестициями в человеческий капитал. В конечном итоге институциональный аспект связан с реализацией экономических интересов различными акторами и их агрегациями. Эти интересы, во многом обусловленные изменениями отраслевых и секторальных пропорций, сами оказывают определяющее воздействие на структуру национальной экономики.

Информация о статье

Принята 18 ноября 2020 г.

Ключевые слова: структура экономики, структурные изменения, политическая экономия, институциональная экономика.

DOI: 10.26730/2587-5574-2021-1-7-19

POLITICAL ECONOMIC AND INSTITUTIONAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF STRUCTURAL CHANGES IN THE ECONOMY

Sergey A. Zhironkin¹, Konstantin A. Kolotov²

¹ T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University

² KMZ LLC

Abstract.

Learning lessons from past and current structural shifts in the economies of Russia and foreign countries, caused by socio-political transformations, technological breakthroughs, pandemic shocks, requires the formation of an integrated approach to the analysis of their causes, combining the reproductive dimension with the institutional one. This is important for the implementation of structural, macrostabilization and social policies to be carried out in a coordinated and purposeful manner. In political economic terms, such coordination means a gradual convergence of the goals of the development of high-tech industries and employment, reducing the gaps in the distribution of factor income; in reproduction – high rates of involvement of scientific and technological progress and development of human capital, reduction of sectoral gaps in productivity, growth of energy and environmental efficiency. From an institutional point of view, structural changes mean that changes in the institutional structure should be sources of sustainable economic growth. This is facilitated by building knowledge in coordination with investment in human capital.

Article info

Received November 18, 2020

Keywords:

structure of the economy, structural changes, political economy, institutional economics.

Ultimately, the institutional aspect is associated with the implementation of economic interests by various actors and their aggregations. These interests, largely due to changes in sectoral and sectoral proportions, themselves have a decisive impact on the structure of the national economy.

1 Introduction / Введение

Если структурные изменения – это путь осуществления макроэкономических преобразований, то низкая дифференциация факторных доходов – это цель, а структурная политика – инструмент для достижения этой цели. Акцент внимания на формировании новых высокопроизводительных и высокотехнологичных секторов и диффузии новых технологий во всей системе национальной экономики сегодня все еще рассматривается в отрыве от сокращения неравенства в доходах различных социальных групп и усиления классовых различий, основанных на неодинаковом доступе к факторным доходам.

В современной экономической теории социализация развития рыночной экономики связана главным образом с налоговым регулированием и бюджетными трансфертами. При этом вне должного внимания остается такой важный путь к социализации рыночных преобразований, как структурные изменения, включающие равный доступ к технологиям, признанию знаний и распределение прироста производительности между факторами производства. Если отраслевая и секторальная структура сильно поляризованы, перераспределительные фискальные механизмы не решают проблемы неравенства и неустойчивого роста. Когда структурные изменения приводят к сокращению межотраслевых разрывов в производительности, диверсификации производственной структуры и совокупному повышению доходов, экономика выигрывает с точки зрения сокращения социальной дифференциации. Кроме того, экономика, имеющая более диверсифицированную, специализированную воспроизводственную структуру, более устойчива к эндогенным и экзогенным шокам, что также означает общество, в котором упрощаются договоренности между различными акторами, стремящимися к более равному присвоению излишков богатства, созданных в результате скачков производительности.

В классической политической экономии и современном макроэкономическом анализе структурное изменение обычно рассматривается как результат взаимодействия между изменениями в пропорциях вовлечения в производство материально-вещественных ресурсов (т.е. отраслей) с одной стороны и изменениями в распределении доходов между секторами экономики (с точки зрения «немецкой школы» – классами [1-3]), определенными на основе структуры факторных доходов (заработная плата, прибыль, проценты, рента), с другой [4-8].

Современная школа структурной политической экономии [9-13] формируется на основе классических традиций анализа пропорций распределения факторов производства, раскрытия отраслевых взаимозависимостей распределения ресурсов и доходов, анализа последствий для социальных групп. Наряду с этим подход структурной политической экономии сформирован на более широком анализе, основанном на выявлении истинных бенефициаров структурных изменений, определении их социальной роли и влияния на экономическую динамику.

2 Materials and Methods / Материалы и методы

Еще в «экономических таблицах» Ф. Кенэ [14] соответствующие социальные группы были определены на основе экономической деятельности, т.е. были эквивалентом того, что сегодня принято называть отраслями (что, в свою очередь, служит основой группировки отдельных фирм в сектора экономики, связанные, по В. Леонтьеву, взаимозависимостями «кругового потока» ресурсов и доходов) [15]. Напротив, для классических экономистов и К. Маркса соответствующими политико-экономическими объектами анализа были классы, определенные типом получаемого дохода. Родоначальники современной зарубежной школы структурного экономического анализа [9, 13, 16] соединили анализ «кругового потока» с современными эконометрическими методами исследования, но не рассматривали возможность того, что отдельные сектора экономики могут формировать соответствующее политико-экономическое структурирование. Поэтому в данной статье как сектора, так и классы рассматриваются как соответствующие политико-экономические субъекты, основываясь на плюрализме в их определении в различных контекстах.

Во-первых, И. Кардинале, М. Ландесманн рассматривают связь с экономикой ряда важных социальных структур: не только классов, но и социальных групп, определяемых принадлежностью к определенным отраслям (или секторам), в которых они заняты [11]. Такие сектора могут быть выделены при помощи различных критериев, например структуры ключевых ресурсов и выпуска, экспортного потенциала, общественной значимости продукта, участия в инфраструктуре. С точки зрения субъектов экономики под секторами будем понимать группы фирм, а под социальными группами – определенные совокупности экономических акторов, которые не являются фирмами – совокупности работников, избирателей, домохозяйств, местных сообществ и т.п. Это во многом совпадает с определением социальных групп в экономике [17], выделявшим «группы интересов», которые к настоящему моменту организованно влияют на экономическую и институциональную динамику (реальные группы) и которые не влияют в данный момент, но могут сделать это при определенных условиях (потенциальные группы).

Во-вторых, понимание того, как акторы действуют, преследуя свои экономические интересы, требует определения этих самых интересов. Можно сказать, что интерес актора не может пониматься как данность, но это зависит от характеристик той экономической системы, в которой действует актор. Например, И. Кардинале, М. Ландесманн показывают, что в системе, в которой существуют однородная ставка заработной платы и норма прибыли, труд и капитал как факторы производства выступают как укрупненные выразители экономических интересов [11]. В результате работники могут иметь общую для всех цель (повышение доли добавленной стоимости, которая идет на заработную плату), противоположные интересам собственников капитала. Но если рассматривать открытую систему В. Леонтьева [15], где нет предположения об однородности заработной платы и прибыли, то появляется потенциальный конфликт интересов между отраслями по поводу участия в создании добавленной стоимости независимо от того, как она затем распределяется на прибыль, заработную плату и ренту в каждой отрасли. Это предположение верно и с точки зрения акторов: то, как акторы ограничивают свои интересы и выражают их, зависит от того, насколько системно формируется этот процесс и каково участие в нем каждого актора.

В-третьих, политэкономический подход не отрицает использования социально-политического измерения экономических взаимозависимостей и, в частности, определения тех ограничений, которые налагаются на реализацию частных интересов. Такие взаимозависимости могут проявить себя с точки зрения «системного интереса» в устойчивых группах и оказать влияние на функционирование экономики в целом [18].

В целом, применение политико-экономического анализа структурных изменений в экономике оправдано тем, что он описывает динамическую модель, при помощи которой можно отследить, как взаимосвязи между действиями социальных групп и движением материализованных факторов производства влияют на отраслевые и секторальные пропорции в экономике. Структурные изменения включают сдвиги в количественных и качественных соотношениях производительных сил, а также в распределении доходов. С точки зрения классической политической экономии особый интерес представляло влияние распределения доходов на структуру расходов, и тем самым на отраслевой выпуск. Структурный анализ позволяет выявить, как изменение в распределении доходов инициируется сдвигами на отраслевом уровне, которые включают в себя все типы перераспределения инвестиций (в материальный и человеческий капитал, инновации и т.д.), перераспределение различных социальных групп в ответ на изменение пропорций ресурсов и доходов. В социально-политической сфере структурные изменения в экономике проявляются в сдвигах в пропорциях предоставления общественных товаров, занятости. Эти «структурные» социальные реакции могут оказать значительное влияние на смену курса экономической политики.

Такой структурный подход к политэкономическому пониманию процессов в современной экономике позволяет рассматривать экономические и политические процессы как единое целое, объединяя в себе сектора экономики и социальные группы, которые существуют не порознь, а находятся в единой экономической структуре (во всей гамме взаимозависимостей, которая определяет качественную сторону структуры), формируют ее изменения и одновременно устойчивость. В результате возможно отследить соединение и противоречия отраслевых и групповых интересов, перспективы их схождения или расхождения сквозь призму структурных изменений и при помощи опыта восприятия системных взаимозависимостей в экономике.

Представленный подход к политэкономической оценке структурных изменений отличается от принятого в политической экономии выделения «классов» на основе типа полученного дохода. Наряду с анализом распределения факторных доходов мы рассматриваем соответствующие совокупности фирм (секторальную и отраслевую структуры) в качестве акторов, выражающих свои экономические интересы. В частности, мы полагаем, что фирмы могут быть объединены различными способами, например, по местоположению в графах взаимозависимостей затрат и выпуска [19], доле рынка и влиянию на него, ориентации на экспорт, по технологическим возможностям, эффективности использования ресурсов, формированию собственной деловой и инновационной инфраструктуры и т.п. Более того, внутрисекторная неоднородность может привести к дифференциации и расхождению в формировании отраслевых интересов внутри одного и того же сектора. В свою очередь, социальные группы, не связанные с фирмами, могут быть результатом группировки индивидуальных акторов по различным критериям, таким, как получение определенного факторного дохода, географическое положение, участие в инновационной деятельности и т.д. Тот факт, что сектора и группы могут быть объединены на основе различных критериев, означает, что структурная динамика также зависит от того, как акторы представляют систему экономики и свое положение в ней и, следовательно, как они понимают свои интересы. Фактически разные подходы к формированию стратегии приведут к разному пониманию акторами отраслевых и системного интересов и, соответственно, к разным стратегическим действиям, которые, в свою очередь, приведут к разной структурной динамике.

В целях изучения структурных дисбалансов с учетом реальностей глобальной экономики целесообразно рассматривать национальную экономику как состоящую из торгуемых и неторгуемых секторов [20]. Торгуемый сектор включает виды деятельности, которые конкурируют на внешнем и внутреннем рынках с иностранными конкурентами; неторгуемый изолирован от такой конкуренции, по крайней мере, напрямую. Отраслевые интересы торгуемого сектора сравнительно просты: его фирмы стремятся продавать больше как на внешнем, так и на внутреннем рынках. Поэтому, к примеру, для поддержания своей конкурентоспособности они заинтересованы в относительно низком реальном обменном курсе национальной валюты. Неторгуемый сектор по определению может продавать свои товары или услуги только на внутреннем рынке; следовательно, его основной интерес заключается в высоком уровне внутреннего спроса. На основе данных определений в первом приближении можно идентифицировать конфликт интересов между этими двумя секторами в структуре экономики, поскольку торгуемый сектор особенно заинтересован в конкурентоспособном соотношении внутренних затрат и цен на мировом рынке, в то время как неторгуемый сектор больше всего заинтересован в уровне внутреннего спроса. В такой простой модели структуры экономики интересы секторов относительно реального обменного курса национальной валюты зависят от того, насколько эти сектора могут влиять на денежный рынок. В свою очередь, рынок денег, как и любой другой, сам оказывает значительное влияние на отдельных акторов, целые отрасли и сектора.

Напрашивается вопрос – если структурные дисбалансы, вызванные сочетанием экзогенных и эндогенных факторов, по определению неустойчивы [21], то почему до сих пор не представлено априорного механизма предотвращения их возникновения? Иначе говоря, нерешенным остается вопрос, почему нет адекватного способа удовлетворить системный интерес, выражаемый большинством отраслей и секторов как поддержание долгосрочной устойчивости открытой системы национальной экономики. Также открыт вопрос подхода к формированию институциональной структуры, предотвращающей возникновение неустойчивых структурных диспропорций. Одна из причин этого, по нашему мнению, заключается в различии между отраслевыми процессами и их макроэкономическими (системными) последствиями, которые могут проявиться с задержкой во времени (структурными лагами) или в форме эндогенных шоков (например, спроса и предложения, цен и процентных ставок). Возникающие в результате макроэкономические структурные диспропорции становятся неотъемлемой интегральной характеристикой экономики, результатом суммирования диспропорций в отдельных видах структуры экономики (отраслевой, технологической, рыночной, социальной, институциональной). При этом сами макроэкономические структурные пропорции мы

связываем с факторной структурной (капитал, земля, труд, бизнес-инновации, информация) и распределением факторных доходов (прибыль, зарплата, рента, проценты).

Однако, поскольку макроэкономические последствия структурных сдвигов в системе открытой экономики придают ей неустойчивость, отраслевые интересы могут периодически меняться. Фактически они могут адаптироваться к макроэкономическим структурным изменениям, то есть отрасли будут демонстрировать свои интересы с учетом системного интереса.

В структурном экономическом анализе авторское видение национальной экономики характеризуется акцентом на ее определенных структурных элементах, которые определяют цели анализа, а также на их взаимозависимостях, которые важны для оценки эффективности экономики (Баранзини; Landesmann, 2012). Например, фирмы могут быть агрегированы на основе их участия, непосредственно или косвенно, в производстве определенного продукта (Пасинетти, 1973), на основании их зависимости от различных ресурсов (Quadyio Curzio, 1986), доли на внешних рынках (т.е. конечного и промежуточного внешнего спроса), вклада в высокотехнологичное производство и т.п.

Агрегированное представление субъектов экономики как структурных элементов может быть использовано для целей политико-экономического анализа. На самом деле структура экономики и определяется агрегированными субъектными элементами (например, отраслевыми фирмами, социальными группами) и их положением в системе национальной экономики и, следовательно, основными взаимозависимостями и потенциальными структурными диспропорциями. Например, в модели фон Неймана фундаментальный компромисс между прибылью и стоимостью рабочей силы определяет максимальный темп роста экономики [22]. Напротив, П. Сраффа обращает внимание на конфликт между прибылью и заработной платой относительно распределения чистого продукта [23]. Другим примером являются диспропорции распределения стоимости готового продукта на заработную плату, прибыль и ренту в рикардианской модели факторной структуры экономики [24] (и в современной для нас модели А. Квадрио Курцио [25]), сдерживающие экономический рост. Однако, как было упомянуто выше, некоторые авторы рассматривают межотраслевые диспропорции сквозь призму распределения факторных доходов и формирования добавленной стоимости в различных отраслях промышленности [26]).

Взаимозависимости между секторами экономики также порождают системные ограничения, которые имеют последствия в виде структурных диспропорций и взаимодействий отраслевых интересов – например, взаимозависимости цен на продукцию различных отраслей. Фактически в каждом секторе выбор способа ценообразования зависит от системы цен во всей экономике, что, в свою очередь, зависит от равновесия в каждом секторе и стремления его фирм минимизировать затраты. Система цен, в свою очередь, формирует межсекторное распределение добавленной стоимости. Таким образом, изменение системы относительных цен дает преимущества определенным секторам и, меняя их удельные издержки, наносит ущерб другим. Кроме того, если не рассматривать совершенную конкуренцию, рост относительных цен вызовет общий рост стоимости ресурсов, что снизит норму прибыли и доступность ресурсов во всех секторах экономики.

Взаимозависимости можно рассматривать как налагающие ограничения на преследование каждой социальной группой своих конкретных интересов. Заинтересованность каждой группы в обеспечении жизнеспособности системы структурных взаимозависимостей можно назвать «системным интересом», который можно рассматривать как ограничение отраслевых интересов в узком смысле. Но, поскольку укрупненные взаимозависимости между структурными элементами могут существовать между группами отраслей и регионов, между национальными экономиками, на глобальном уровне, то очевидна размытость определения системного интереса. Это означает, что существующая структура экономики позволяет выявить системный интерес различными способами и на разных уровнях. Конкретная форма системного интереса, преобладающая в настоящий момент в экономике конкретной страны, зависит от группировки связей между существующими экономическими структурами, а также от структурных пропорций экономики, образованных соответствующими секторами и социальными группами. Системный интерес также зависит от координации действий групп субъектов. Следовательно, определение отраслевых интересов, учитывающее системный интерес, требует учета

взаимозависимостей секторов экономики (например, через систему относительных цен и межсекторного распределения совокупного спроса и предложения).

По мере изменения структуры экономики основные определения системного интереса могут также переходить от более широких к более узким. Например, если расширение рынка сбыта определенного продукта приведет к концентрации промышленного производства в некоторых отраслях, то их ключевые субъекты будут понимать системный интерес как сохранение и развитие взаимозависимостей между ними, а не как ускорение макроэкономической динамики в ходе промышленной экспансии. Конечно, связь изменений структуры национальной экономики с ее макроэкономической динамикой имеют место, но она может быть оценена отраслевыми субъектами как менее актуальная, чем концентрации промышленного производства, что особенно характерно для экспортоориентированных производств. В результате эти отрасли могут поддерживать промышленную политику, которая укрепляет концентрацию промышленного производства, вне зависимости от их воздействия на макроэкономическую динамику. Аналогичные доводы можно выдвинуть в отношении экономических интересов, реализуемых на региональном уровне, которые могут заметно усилиться в результате более региональной кластеризации экономики, что приведет к усилению межрегиональной конкуренции за инвестиции, доступ к инфраструктуре.

Таким образом, допущения в понимании структуры экономики прямо влияют на рассматриваемые определения интересов. Существуют модели структуры экономики, выделяющие социальные группы классы в однородных условиях (единая норма прибыли и ставка заработной платы фон Неймана), а также модели, которые не делают таких допущений и, следовательно, выделяют отраслевые интересы (например, модель В. Леонтьева [26]). В последнем случае отраслевые интересы могут играть важную роль во влиянии на структуру относительных цен (через относительную рыночную власть) и далее – на формирование и распределение «системного излишка» [27] между секторами и социальными группами внутри отраслей. Это, в свою очередь, влияет на эффективность всей системы национальной экономики, реализуя связь между «системным излишком» и экономическим ростом.

Этот принцип можно применить и в динамических моделях связи структуры экономики и макроэкономических показателей. Так, масштабные структурные диспропорции могут возникнуть и при межсекторной дифференциации нормы прибыли и ставок заработной платы, и при единой норме прибыли в большинстве секторов экономики. В первом случае диспропорции могут возникать между заработной платой и прибылью в разных секторах, во второй – в одном секторе.

В модели структуры экономики Л. Пазинетти [20] системный интерес может быть связан с «фундаментальным макроэкономическим равновесием», которое гарантирует полную занятость и загрузку производственных мощностей. Однако следует отметить, что в данной модели структура национальной экономики может быть устойчива к изменениям даже в том случае, если не выполняется условие макроэкономического равновесия, поскольку это не препятствует экономике осуществлять производство благ, востребованных рынком, бесконечно долго, но не в состоянии полной занятости и загрузки производственных мощностей.

Развивая подход к участию социальных групп в структурных изменениях экономики, мы проводим различие между секторами экономики, ориентированными на формирование будущих структурных пропорций, и социальными группами, которые действуют адаптивно к текущей ситуации в отрасли, регионе или экономике в целом. Мы связываем это с тем, что основным видом деятельности отраслевых фирм является инвестирование, которое определяется ожиданиями в отношении факторов, влияющих на норму прибыли. Напротив, социальные группы в основном реагируют на фактические результаты отраслевой динамики (такие как доход или занятость как результаты инвестиционной деятельности) а также на социально-экономическую политику государства. Следовательно, социальные группы формируют ожидания относительно того, как будущие инвестиции повлияют на их экономическое положение, значительная часть их интересов связана с тем, чтобы адаптироваться к существующей ситуации, формируя таким образом, проактивное и адаптивное поведение.

Различие между преактивным и адаптивным поведением, а также влияние структурных изменений на разные секторы и социальные группы являются ключевыми причинами, по которым в зависимости от их экономического положения можно спрогнозировать

структурообразующие или сдерживающие этот процесс силы. Принимая за основу политэкономический подход, мы полагаем, что структурные пропорции секторов и социальных групп зависят от их понимания своих конкретных интересов, а также системного интереса. Но конкретные интересы каждого сектора или социальной группы определяются их местом в структурных пропорциях в экономике, которое зависит от того, насколько они идентифицируются как элементы внутривидовых взаимосвязей другими субъектами экономики (фирмами, государством). То же самое относится к системному интересу, который представляет собой интерес к устойчивому функционированию национальной экономики и, следовательно, зависит от того, насколько сбалансированными являются структурные пропорции.

Вышесказанное играет важную роль в обсуждении методов анализа структурных изменений экономики в рамках политэкономического подхода. Во-первых, наблюдаемые экономические действия различных акторов инвариантны, то есть в действительности они – одни из многих, которые в принципе могут реализоваться. Мы связываем это с тем, что интересы не могут быть определены априори, а зависят от интерпретации системы и их положения в ней субъектов экономики. Во-вторых, изменения структуры системы национальной экономики могут быть инициированы разными силами – как эндогенными факторами, так и реакциями на экзогенные шоки, в зависимости от места акторов в структурных пропорциях. В-третьих, если разные акторы по-разному интерпретируют системный интерес, то их согласованные действия по сохранению устойчивости структуры системы национальной экономики будут менее вероятны.

3 Results and discussion / Результаты и обсуждение

Основная идея, лежащая в основе нашего подхода к анализу структурных изменений в экономике, заключается в том, что формирование отраслевых интересов играет важную роль в изменении макро- и мезоэкономических пропорций (инвестиции, производство, торговля, инновации и технологии, занятость).

Связи отраслевых интересов и структурных изменений экономики можно продемонстрировать при помощи ряда макроэкономических переменных:

1. Распределение доходов (факторное и секторальное), чье влияние на структурные изменения является предметом политэкономического анализа с работ Д. Рикардо и, впоследствии, К. Маркса. Д. Рикардо констатировал, что в структуре экстенсивно растущей экономики, которая требует возделывания все менее и менее плодородной земли, происходит увеличение доли труда как фактора производства и, соответственно, доли чистого продукта, присвоенного за счет ренты, которая со временем снижается. В современной многоотраслевой экономике, в которой секторы растут разными темпами из-за изменений в технологиях и предпочтениях потребителей, структурные изменения определяют норму прибыли, заработной платы и ренты, которые могут обеспечить полную занятость.

В связи с этим ранние исследования последствий структурной политики, направленной на обеспечение полной занятости, привели к идее реального делового цикла [28-30]. Другое направление исследований разработало теории политического делового цикла, в котором происходит рациональный выбор, основанный на посреднике – избирателе, за голоса которого соперничают партии и кандидаты [31-33]. В первоначальной формулировке теории политического делового цикла действующие власти были вынуждены всеми силами сокращать безработицу перед выборами, чтобы максимизировать свои шансы на переизбрание, и позволяли ей расти после выборов [34].

2. Межстрановые экономические связи, имеющие многоаспектное влияние на структурные изменения национальной экономики. К примеру, теория зависимого развития связала взаимозависимости между «центральной» и «периферийной» экономиками со структурными сдвигами в последней [35-36], которая могла бы привести к устойчивому отставанию в технологиях и уровне социально-экономического развития. Связь между международным разделением труда и развитием национальной экономики вдохновила на современные исследования глобальных цепочек создания стоимости [37]. Теория зависимого развития подчеркивает важность места национальной экономики в структуре глобальных производственных и логистических цепочек (по доле добавленной стоимости, которая создается

сообразно формирующимся отраслевым интересам). Другая форма связи мирового хозяйства и структуры национальной экономики представляет собой валютные союзы, посредством которых отрасли соединяются в торгуемые и неторгуемые сектора. Реализуемые в них отраслевые интересы могут в конечном итоге вызывать диспропорции благодаря разной экспорто- и импортоориентированности отраслей, образующих торгуемый и неторгуемый сектора в структуре экономики.

3. Распределение доходов, которое является, с одной стороны, следствием структурных диспропорций в экономике, с другой – их значимой причиной. Классическим примером противоречий отраслевых интересов здесь является конфликт между капиталистами и ратье, лежащий в основе отстаивания Д. Рикардо свободной международной торговли. Другие конфликты интересов могут возникать между получателями одного и того же дохода, например между фирмами из разных отраслей и секторов. К примеру, масштабные конфликты интересов могут возникать между торгуемыми и неторгуемыми секторами относительно динамики реального обменного курса, и между реальным и финансовым секторами относительно роста или снижения процентных ставок и изменения условий заимствования. Вместе с тем следует признать, что влияние распределения доходов на отраслевые интересы изучено недостаточно. Например, изменения в структуре распределения доходов и занятости могут привести к вывозу производства за границу или, напротив, к его репатриации (решорингу). В большей степени связь структурных изменений, глобальных процессов и отраслевых интересов рассмотрена к настоящему моменту в связи с протекционизмом и импортозамещением [38].

Посредством лоббирования различные секторы в структуре экономики также напрямую пытаются влиять на экономическую политику на национальном и международном уровнях. Изменение структуры экономики в свою очередь влияет на экономическую политику (поскольку некоторые сектора или отрасли, расширяя свою долю, получают большие лоббистские возможности, а также на распределение доходов. Более того, структурные изменения могут предвосхищать иные экономические преобразования, радикально модифицируя применяемый инструментальный макроэкономической стабилизации или стимулирования экономического роста. Последствия структурных изменений в национальной экономике также могут иметь международное измерение, поскольку они могут порождать или усиливать диспропорции платежного баланса и, следовательно, наращивать внешний долг.

4. Реакция государства как политической силы на структурные изменения в экономике и связанное с ними распределение доходов также могут быть обусловлены формированием и выражением отраслевых интересов. В этом отношении, вероятно, важна внутриотраслевая неоднородность: различные отрасли определенного сектора экономики могут в большей или меньшей степени зависеть от распределения доходов и инвестиций. То есть структурные изменения сами могут привести к изменению отраслевых интересов в рамках сектора и, следовательно, к иному пониманию предмета лоббизма. Такие изменения могут также быть результатом более сильного акцента на межотраслевой взаимозависимости в экономических стратегических документах как условия устойчивого экономического роста. Кроме этого, влияние изменения отраслевых интересов на место национальной экономики в глобальной хозяйственной системе отражается и на межстрановых экономических связях, на которых основана наднациональная интеграция.

Представленная выше интерпретация характера связей отраслевых интересов и структурных преобразований экономики напрямую связана с системным интересом – сохранением устойчивости экономической системы страны и ее поступательного развития. Фактически отраслевые интересы обычно не полностью отражают все внутривнутриструктурные взаимозависимости в экономике, особенно с учетом их изменчивости во времени. Здесь следует вспомнить, что реализация отраслевых интересов через стратегическое поведение ведет к изменениям в структуре экономики. К тому времени, когда эти изменения будут оказывать прямое влияние на социальные группы, структура экономики вновь трансформируется, и пространство возможностей регулирования факторного распределения доходов станет другим. В результате все последствия стратегического поведения могут быть нивелированы именно потому, что система национальной экономики получит новое качество после очередного изменения ее структуры.

К тому времени, с одной стороны, произошедшие структурные изменения будут необратимы, и с другой – системный интерес может принять другие формы. Поэтому возврат к предыдущей структуре не будет отвечать интересам достаточно большой и влиятельной коалиции групп. Например, гарантия высокой заработной платы для достижения достаточного уровня внутреннего спроса может рассматриваться как форма системного интереса со стороны достаточно влиятельных секторов экономики – обрабатывающих, наукоемких. Если со временем эти сектора расширят свою экспортную квоту, то их влияние на внутренний спрос будет считаться менее определяющим. Однако, как только это произойдет, высокие заработные платы будут рассматриваться как препятствие роста торгуемого сектора и, следовательно, для той части национальной экономики, которая ориентирована на внешние рынки. Следовательно, существуют пределы влияния отраслевых интересов на структуру экономики, и наоборот.

Такая асимметрия интересов существует и между секторами экономики, в которых зарождаются структурные изменения, и социальными группами, вынужденными адаптироваться к ним. Следуя этой логике, надо признать, что системные взаимозависимости могут также привести к асимметрии между секторами в том, что касается их скоординированности их функционирования и, напротив, определенной свободы действий в процессе перетока капитала и труда, лоббирования отраслевых интересов. Это следует из очевидного факта, что внутри- и межотраслевые взаимозависимости могут ограничивать один сектор экономики больше, чем другой, в привлечении инвестиций, в темпах инновационного развития и модернизации, в росте конкурентоспособности и расширении доли в экспорте. Например, как торгуемый, так и неторгуемый сектора имеют системный интерес, который связан с сохранением устойчивого функционирования в условиях масштабных экзогенных шоков – эпидемии, санкции, политические катаклизмы, технологические прорывы. Однако, если адаптация торгуемого и неторгуемого секторов к этим шокам имеет дифференцированные ограничения, то возникает новые структурные диспропорции, влекущие дисбалансы установившихся отраслевых интересов и интересов социальных групп.

Аналогичный вывод можно сделать и в отношении взаимосвязанных национальных экономик. Например, для решения проблемы диспропорций в структуре платежного баланса странам в валютном союзе могут потребоваться высокие темпы роста союза в целом, что требует координации с другими его членами. Наряду с этим отдельные страны могут достичь высоких темпов роста гораздо более независимо от роста союза в целом. Разница между этими странами может заключаться в таких факторах, как структурный профицит или дефицит бюджета, степень открытости, относительные доли секторов и отраслей с высокой и низкой добавленной стоимостью и т.п. В этом случае существует вероятность того, что страны будут асимметрично ограничены своей взаимозависимостью при проведении управляемых структурных изменений.

Вышесказанное в целом дает основание говорить об асимметричности реализации отраслевых интересов и структурных преобразований национальной экономики, так как сдвиги макроэкономических пропорций ведут к различиям в понимании конкретных и системного интересов. Поэтому если в ходе структурных изменений формируется новое качество системы национальной экономики, позволяющее ей выйти на новый уровень эффективности, то конфликты интересов при этом могут сохраняться еще длительное время (например, в распределении факторных доходов). Более вероятным видится то, что в результате экзогенных шоков, а также эндогенных изменений структуры экономики, вызванных стратегическим и адаптивным поведением фирм и социальных групп, их интересы будут все больше расходиться.

В принципе, координация интересов конкретных отраслей и социальных групп с учетом системного интереса может осуществляться в рамках государственной инвестиционной, инновационно-технологической, социальной политики. Например, государство на различных уровнях может создавать технологические платформы, которые гармонизируют интересы разработчиков инноваций и бизнес-структур, инвестирующих в них. Следовательно, технологические платформы могут выступать как средство повышения устойчивости функционирования системы национальной экономики [39-41]. Однако этому может помешать ряд факторов. Например, нормативно-правовые основы деятельности технологических платформ со временем демонстрируют отставание от структурных изменений в экономике. Таким путем «трехкратная спираль» инновационного развития превращается в «четвертичную», а затем – в «пятеричную». Кроме того, технологические платформы, создаваемые государством,

«завязаны» на определенные технологии и сами могут быть носителями определенных интересов, что может сделать их непригодными для выражения системного интереса, если он идет вразрез с интересами конкретных платформ. Более того, технологические платформы как часть системы государственного регулирования структуры экономики действуют в рамках политических установок со стороны различных акторов, влияние которых может существенно различаться. Разумеется, это не означает, что эффективная координация интересов отраслей и социальных групп невозможна. Например, десятилетие перед глобальным финансовым кризисом 2008-2009 гг. продемонстрировало обнадеживающую экономическую конвергенцию, связанную с широкой согласованностью отраслевых и национальных интересов. Вместе с тем экзогенный шок пандемии Covid-19 выявил ненадежный характер такой координации.

Во-первых, экзогенно-обусловленный «кризис Covid-19» был вызван глобальным «симметричным шоком», когда эпидемия поразила все страны мира, чем и отличался от кризиса 2008-2009 гг., который был спровоцирован финансовым кризисом в США. Однако, несмотря на в целом «симметричный» характер экзогенного шока Covid-19, его влияние на структуру национальных экономик было неравномерным. Основная причина заключалась в различиях структурных пропорций экономик разных стран и, как следствие, в неодинаковой зависимости экономики от производства и экспорта услуг, демографического строения, социальных расходов.

Во-вторых, на международном уровне экономических связей системные интересы целых союзов государств и их отдельных членов также продемонстрировали расхождение. Если в период финансового кризиса 2008-2009 гг. Европейская комиссия и Европейский центральный банк активно участвовали в поддержании устойчивости общей экономики, к примеру, через банковский союз, то в период кризиса Covid-19 эти инициативы застопорились, и государства не предложили программы, основанные на более широком – структурном – понимании их системных интересов.

В-третьих, допуская экзогенные динамические импульсы, приводящие к структурным изменениям, можно выделить их эндогенные факторы, проистекающие из стратегических действий фирм (и, следовательно, секторов экономики). Следовательно, структурный анализ, основанный на оценке влияния экзогенных и эндогенных факторов на макроэкономические пропорции, может вполне связывать категории классической политэкономии (факторы производства и распределение доходов, воспроизводство материального капитала и рабочей силы) и институциональной теории (интересы, формы их выражения, политические эффекты).

Conclusion / Заключение

Классическая политическая экономия и современный структурный анализ объясняют структурные изменения как результат взаимодействия между распределением факторов производства. В данной статье предложено обобщение этого подхода с учетом положений институциональной экономики, раскрывающего способы объединения социальных групп и определения структуры их экономических интересов, реализация которых происходит в существующей структуре экономики. Кроме того, из взаимозависимости структурных элементов национальной экономики (отраслей, секторов) и их интересов проистекает системный интерес, заключающийся в поддержании устойчивости системы экономики. Системный интерес, в свою очередь, зависит от того, как акторы представляют свое положение структуре экономики, и это может привести к появлению множества определений системного интереса со стороны различных авторов.

Представленный подход описывает изменения структуры национальной экономики под влиянием не только перераспределения факторов производства между отраслями и секторами экономики (как это принято с точки зрения политэкономии), но и за счет асинхронности действий различных отраслей, секторов и социальных групп, асимметрии ограничений их интересов и разного понимания отраслевых и системного интересов. В свою очередь, множественность форм системного интереса может служить объяснением отсутствия суперэффективных институциональных структур, которые должны препятствовать негативным структурным изменениям. Например, валютные союзы в принципе могут позволить себе более высокую траекторию роста, чем простая торговая интеграция. Как было показано в статье, с этой ролью не могут справиться ни межгосударственные экономические объединения (такие как валютные союзы), ни технологические платформы.

Список источников

1. Родбертус-Ягцов К.И. Исследование о капитале: торговые кризисы и государственное хозяйство. – М.: URSS, 2012. – 208 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. – 386 с.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. – М.: Госполитиздат, 1963. – 908 с.
4. Сэй Ж.Б. Трактат по политической экономии. – М.: Дело, 2000. – 203 с.
5. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. – М: Политическая литература, 1955. – 426 с.
6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. – 665 с.
7. Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. – М.: Наука, 1970. – 428 с.
8. Блауг М. Пазинетти, Луиджи Л. / 100 великих экономистов после Кейнса. – СПб.: Экономикс, 2009. – С. 228-231.
9. Curezio Q. Research and Technological Innovation: the challenge for a new Europe. – Heidelberg: Physica-Verlag, 2005. – 366 p.
10. Landesmann M., Ward T. Economic Restructuring and Labour Markets in the Accession Countries. – Brussels: European Commission, Employment and Social Affairs, 2004. – 312 p.
11. Cardinale I., Landesmann M. Generalising the political economy of structural change: A Structural Political Economy approach // Structural Change and Economic Dynamics. – 2020. – Vol. 18. – 18.
12. Scazzieri R., Baranzini M., Rotondi C. Resources, scarcities and rents: technological interdependence and the dynamics of socio-economic structures / in: M. Baranzini, C. Rotondi (Eds.) Resources, Production and Strutral Dynamics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – pp. 427-484.
13. Punzo L.F. Cycles, Growth and Structural Change. – London: Routledge, 2011. – 415 p.
14. Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. – М.: Созкгиз, 1960. – 408 с.
15. Леонтьев В. и др. Исследования структуры американской экономики. Теоретический и эмпирический анализ по схеме затраты-выпуск. – М.: Государственное статистическое издательство, 1958. – 641 с.
16. Sraffa P., Dobb M.H. The Works and Correspondence of David Ricardo. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 326 p.
17. Truman D.B. The Governmental Process. – New York: Knopf, 1951. – 288 p.
18. Coen D., Richards J. Lobbying the European Union: Institutions, Actors and Policy. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 188 p.
19. Ferguson T., Jorgensen P., Chen J. Industrial structure and political outcomes: the case of the 2016 US presidential election / In: Cardinale I., Scazzieri R. (Eds.) The Palgrave Handbook of Political Economy. – London: Palgrave Macmillan, 2018. – pp. 333-440.
20. Pasinetti L.L. The notion of vertical integration in economic analysis // Metroeconomica. – 1973. – Vol.25 (1). – pp. 1-29.
21. Boehm B., Punzo L.F. Dynamics of industrial sectors and structural change in the Austrian and Italian economies / in: Boehm B. Punzo, L.F. (eds), Economic Performance. A Look at Austria and Italy. – Berlin and Vienna: Physica Verlag, 1994. – 428 p.
22. von Neumann J. A model of general economic equilibrium // Review of Economy Studies. – 1945. – Vol. 13(1). – pp. 1-9.
23. Sraffa P. Production of Commodities by Means of Commodities: Prelude to a Critique of Economic Theory. – Cambridge: University Press, 1960. – 358 p.
24. Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation, vol. I of The Works and Correspondence of David Ricardo, edited by P. Sraffa with the comments by M.H. Dobb. – Cambridge: Cambridge University Press, 1951. – 788 p.
25. Quadrio Curzio A. Multiplicity of economic distribution. – Milan: Giuffre, 1967. – 401 p.
26. Leontief W.W. The economy as a circular flow // Structural Change and Economic Dynamic. – 1991. – Vol. 2(1). – pp. 181-212.
27. Wittman D.A. Parties as utility maximizers // American Political Science Review. – 1973. – Vol. 67 (2). – pp. 490-498.
28. Long J., Plosser C. Real bussines cycles // Journal of political economy. – 1983. – Vol. 91 No.1. – pp. 39-69.
29. Kydland F.E., Prescott E.C. Dynamic Optimal Taxation, Rational Expectations and Optimal Control // Elsevier. – 1980. – Vol. 2(1). – pp. 79-91.
30. Солоу Р. М. Экономическая теория ресурсов или ресурсы экономической теории. Лекция в честь Ричарда Т. Эли // Вехи экономической мысли. Т.3. Рынки факторов производства / Под общ. ред. В. М. Гальперина. – СПб: Экономическая школа, 2000. – С.304-331. URL: https://web.archive.org/web/20160224063417/http://analyticalschool.org/milestones-of-economic-thought/VEH13_solow.pdf (последнее обращение: 15.11.2020).
31. Roemer J.E. Political Competition: Theory and Applications. – Cambridge: Harvard University Press, 2001. – 323 p.
32. Wittman D.A. Parties as utility maximizers // American Political Science Review. – 1973. – Vol. 67 (2). – pp. 490-498.
33. Downs A. An Economic Theory of Democracy. – Harper: New York, 1957. – 455 p.
34. Nordhaus W. The political business cycle // Review of Economy Studies. – 1975. – Vol. 42 (2). – pp. 169–190.

35. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? – М.: ИЛА, 1992. – С.166-167.
36. Toye J. Hans Singer's Debts to Schumpeter and Keynes // Cambridge Journal of Economics. - 2006. – Vol. 30. – pp. 819–833.
37. Голиченко О. Модели развития, основанного на диффузии технологий // Вопросы экономики. – 2012. – №4. – С. 117-131
38. Жиронкин С.А., Колотов К.А., Жиронкина О.В. Институциональные ловушки и экстерналии инновационного неоиндустриального импортозамещения // Экономика и управление инновациями. – 2017. – № 1. – С. 4-17.
39. Каленов О.Е. Инновационная экосистема как основа развития высокотехнологичной промышленности // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2020. – Т. 17. № 5 (113). – С. 126-133.
40. Каленов О.Е. Трансформация бизнес-модели: от классической организации к экосистеме // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2020. – Т. 17. № 3 (111). – С. 124-131.
41. Каленов О.Е. Развитие концепции экосистем в экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2021. – №18(1). – С. 37-46.

References

1. Rodbertus-Jagocov K.I. Issledovanie o kapitale: torgovye krizisy i gosudar-stvennoe hozjajstvo [Capital Research: Trade Crises and the State Economy]. Moscow: URSS, 2012. 208 p.
2. Durkgejm, Je. O razdelenii obshhestvennogo truda [On the division of social labor]. Moscow: Kanon, 1996. 386 p.
3. Marx K. Capital. Kritika politicheskoj jekonomii [Criticism of Political Economy]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat, 1963. 908 p.
4. Sey J.B. Traktat po politicheskoj jekonomii [A Treatise on Political Economy]. Moscow: Delo, 2000. 203 p.
5. Ricardo D. Nachala politicheskoj jekonomii i nalogovogo oblozhenija [The beginnings of political economy and taxation]. Moscow: Politicheskaja literatura = Political literature, 1955. 426 p.
6. Smith A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov [Research on the nature and causes of the wealth of nations]. Moscow.: Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoi literatury = Publishing house of socio-economic literature, 1962. 665 p.
7. Neyman J., Morgenstern O. Teorija igr i jekonomicheskoe povedenie [Game theory and economic behavior]. Moscow: Science, 1970. 428 p.
8. Blaug M. Pazinetti, Luidzhi L. /100 velikih jekonomistov posle Kejnsa [Blaug M. Pasinetti, Luigi L. / 100 Great Economists After Keynes]. Saint Peresburg: Economicus, 2009. pp. 228-231.
9. Curezio Q. Research and Technological Innovation: the challenge for a new Europe. Heidelberg: Physica-Verlag, 2005. 366 p.
10. Landesmann M., Ward T. Economic Restructuring and Labour Markets in the Accession Countries. Brussels: European Commission, Employment and Social Affairs, 2004. 312 p.
11. Cardinale I., Landesmann M. Generalising the political economy of structural change: A Structural Political Economy approach. Structural Change and Economic Dynamics. 2020. Vol. 18. 18.
12. Scazzieri R., Baranzini M., Rotondi C. Resources, scarcities and rents: technological in-terdependence and the dynamics of socio-economic structures / in: M. Baranzini, C. Rotondi (Eds.) Resources, Production and Strutural Dynamics. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. pp. 427-484.
13. Punzo L.F. Cycles, Growth and Structural Change. London: Routledge, 2011. 415 p.
14. Quesnay F. Izbrannye jekonomicheskie proizvedenija [Selected works of economics]. Moscow: Sojkgiz, 1960. 408 p.
15. Leont'ev V. et al. Issledovanija struktury amerikanskoj jekonomiki. Teoretiche-skij i jempiricheskij analiz po sheme zatraty-vypusk [Research into the structure of the American economy. Theoretical and empirical analysis according to the input-output scheme]. Moscow: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo = State Statistical Publishing House, 1958. 641 p.
16. Sraffa P., Dobb M.H. The Works and Correspondence of David Ricardo. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 326 p.
17. Truman D.B. The Governmental Process. New York: Knopf, 1951. 288 p.
18. Coen D., Richards J. Lobbying the European Union: Institutions, Actors and Policy. Oxford: Oxford University Press, 2009. 188 p.
19. Ferguson T., Jorgensen P., Chen J. Industrial structure and political outcomes: the case of the 2016 US presidential election / In: Cardinale I., Scazzieri R. (Eds.) The Palgrave Handbook of Political Economy. London: Palgrave Macmillan, 2018. pp. 333-440.
20. Pasinetti L.L. The notion of vertical integration in economic analysis. Metroeconomica. 1973. Vol.25 (1). pp. 1-29.
21. Boehm B., Punzo L.F. Dynamics of industrial sectors and structural change in the Aus-trian and Italian economies / in: Boehm B. Punzo, L.F. (eds), Economic Performance. A Look at Austria and Italy. Berlin and Vienna: Physica Verlag, 1994. 428 p.
22. von Neumann J. A model of general economic equilibrium. Review of Economy Studies. 1945. Vol. 13(1). pp. 1-9.

23. Sraffa P. Production of Commodities by Means of Commodities: Prelude to a Critique of Economic Theory. Cambridge: University Press, 1960. 358 p.
24. Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation, vol. I of The Works and Correspondence of David Ricardo, edited by P. Sraffa with the comments by M.H. Dobb. Cambridge: Cambridge University Press, 1951. 788 p.
25. Quadrio Curzio A. Multiplicity of economic distribution. Milan: Giuffre, 1967. 401 p.
26. Leontief W.W. The economy as a circular flow. Structural Change and Economic Dynamic. 1991. Vol. 2(1). pp. 181-212.
27. Wittman D.A. Parties as utility maximizers. American Political Science Review. 1973. Vol. 67 (2). pp. 490-498.
28. Long J., Plosser C. Real bussines cycles. Journal of political economy. 1983. Vol. 91 No.1. pp. 39-69.
29. Kydland F.E., Prescott E.C. Dynamic Optimal Taxation, Rational Expectations and Op-timal Control. Elsevier. 1980. Vol. 2(1). pp. 79-91.
30. Solou P. M. Jekonomicheskaja teorija resursov ili resursy jekonomicheskoy teorii. Lekcija v chest' Richarda T. Jeli // Vehi jekonomicheskoy mysli. T.3. Rynki faktorov proizvodstva / Pod obshh. red. V. M. Gal'perina [Resource economics or resources economics. Lecture in honor of Richard T. Ely / Milestones of Economic Thought. T.3. Markets of factors of production / Ed. by V. M. Galperin]. Saint Petersburg: Jekonomicheskaja shkola = School of Economics. 2000. pp. 304-331. URL: https://web.archive.org/web/20160224063417/http://analyticalschool.org/milestones-of-economic-thought/VEHI3_solow.pdf (last access: 15.11.2020).
31. Roemer J.E. Political Competition: Theory and Applications. Cambridge: Harvard University Press, 2001. 323 p.
32. Wittman D.A. Parties as utility maximizers. American Political Science Review. 1973. Vol. 67 (2). pp. 490-498.
33. Downs A. An Economic Theory of Democracy. Harper: New York, 1957. 455 p.
34. Nordhaus W. The political business cycle. Review of Economy Studies. 1975. Vol. 42 (2). pp. 169–190.
35. Prebish R. Periferijnyj kapitalizm: est' li emu al'ternativa [Peripheral capitalism: is there an alternative to it]? Mosocw.: ILA, 1992. pp.166-167.
36. Toye J. Hans Singer's Debts to Schumpeter and Keynes. Cambridge Journal of Economics. 2006. Vol. 30. pp. 819–833.
37. Golichenko O. Modeli razvitija, osnovannogo na diffuzii tehnologij [Models of development based on diffusion of technologies]. Voprosy jekonomiki = Problems of Economics. 2012. Vol. 4. pp. 117-131
38. Zhironkin S.A., Kolotov K.A., Zhironkina O.V. Institucional'nye lovushki i jeksternalii innovacionnogo neoindustrial'nogo importozameshhenija [Institutional traps and externalities of innovative neoindustrial import substitution]. Jekonomika i upravlenie innovacijami = Economics and innovation management. 2017. Vol. 1. pp. 4-17.
39. Kalenov O.E. Innovacionnaja jekosistema kak osnova razvitija vysokotehnologichnoj promyshlennosti [Innovative ecosystem as the basis for the development of high-tech industry //]. Vestnik Rossijskogo jekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plehanova G.V. Plekhanov = Bulletin of the Russian Economic University. 2020. Vol. 17. No. 5 (113). pp. 126-133.
40. Kalenov O.E. Transformacija biznes-modeli: ot klassicheskoy organizacii k jekosisteme [Business model transformation: from a classical organization to an ecosystem]. Vestnik Rossijskogo jekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plehanova = Bulletin of the Russian Economic University. 2020. Vol. 17. No. 3 (111). pp. 124-131.
41. Kalenov O.E. Razvitie koncepcii jekosistem v jekonomike [Development of the concept of ecosystems in economics]. Vestnik Rossijskogo jekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plehanova = = Bulletin of the Russian Economic University. 2021. Vol. 18(1). pp. 37-46.

Авторы

Жиронкин Сергей Александрович – доктор экономических наук, доцент, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева.
650000 Кемерово, ул. Весенняя, 28
e-mail: zhironkinsa@kuzstu.ru

Колотов Константин Александрович – кандидат экономических наук
ООО «КМЗ»
650044, г. Кемерово, ул. Кирзаводская, 9.

Библиографическое описание статьи

Жиронкин С.А., Колотов К.А.
Политэкономический и институциональный подходы к анализу структурных изменений экономики // Экономика и управление инновациями — 2021. — № 1 (16). — С. 7-19.

Authors

Sergey A. Zhironkin – Dr.Sc., Associated Professor, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University
650000 28 Vesennya st., Kemerovo, Russia
e-mail: zhironkinsa@kuzstu.ru

Konstantin A. Kolotov – PhD
KMZ LLC
650044 9 Kirzavodskaya st., Kemerovo, Russia

Reference to article

Zhironkin S.A., Kolotov K.A.
Political economic and institutional approaches to the analysis of structural changes in the economy. Economics and Innovation Management, 2021, no. 1 (16), pp. 7-19.